

ЖАН-МАРК БАРР: МЫ НЕ ДЕЛАЛИ ПОРНОГРАФИЮ, МЫ ИСКАЛИ РАДОСТЬ

Он встретился с корреспондентом «ВК» сразу после премьеры «Слишком много плоти» — фильма-притчи об американском фермере, который после двадцати лет воздержания познает радости интимной жизни с заезжей француженкой. Главную роль сыграл сам режиссер.

— Вы, наверное, знаете, что долгое время русские отличались сдержанностью в плане секса (или, по крайней мере, рассуждений о нем)...

— Когда я сюда ехал, у меня были опасения: после стольких лет советского режима, когда разговоры о сексе подавлялись, меня не поймут. Оказалось, все наоборот. К запретному тяга еще сильнее. Тема же нашего фильма универсальна. Мы ставим под сомнение свободу человека в сексе. Мы бы хотели, чтобы после картины каждый из зрителей задумался над собственными границами свободы и наслаждения.

— Своими тремя фильмами вы определили три области свободы — любовь, секс и духовность. Вы считаете, что секс и любовь — две разные вещи?

— Речь не столько о сексе и любви, сколько о любви и удовольствии. Это разные вещи. В «Любовниках» мы показали перипетии любовных отношений, в «Слишком много плоти» показан путь наслаждения. Впрочем, здесь любовь все равно возникает. Герой не может заниматься сексом с человеком, которого

любит. Он встречает другую и уже с ней получает чувственное удовольствие.

— Некоторые критики изобрели новый термин для вашего кино — «интеллектуальная порнография». Как вы к нему относитесь?

— Я не думаю, что это порнография. В порнографии крупным планом показывается сам половой акт. Мы же сосредоточились на поисках удовольствия. То, что до и после. Можно ли считать это порнографией?

— В любом случае иногда чувствуешь себя неловко.

— Вот это и есть интеллектуальная порнография.

— Вы играете американского фермера, который ведет себя как продвинутый горожанин...

— Начнем с того, что мы снимали как раз в деревне моего отца, где я проводил все летние каникулы. У меня еще была подспудная идея — показать, как в деревне отрицается сам акт удовольствия. У меня есть кузен. Он гомосексуалист, поэтому должен был оставить деревню. Когда же вернулся, его, конечно, приняли, но до сих пор относятся к нему как к преступнику. То же самое происходит везде. В США 70 процентов убийств

случается на сексуальной почве. На фоне деревенской жизни мы хотели задать вопрос: действительно ли мы свободны или делаем вид, что свободны? Помнится, Карл Маркс сказал: «Если государство контролирует сексуальность, оно контролирует и личность».

— А внутри самого человека нет контроля?

— Если вы уважаете другого человека и сексуальны — здесь все возможно.

— В разных рейтингах вы названы секс-символом. Для вас это лестное определение?

— Мы снимали фильм не для того, чтобы я оказался в центре как эротическая приманка. На площадке была игровая атмосфера, я не думал о своей сексуальности. Главный вопрос фильма: мы неплохо обучились технике секса, но действительно ли научились доставлять наслаждение? «Слишком много плоти» — это кино тел, а не голов. В этом плане я в какой-то степени секс-символ.

— Не собираетесь ли вернуться в Москву для работы?

— Я только начал работать как режиссер и снимаю в тех местах, которые хорошо знаю. Москва и Россия для меня пока белое пятно. Мы уже работали в Америке, в Париже, в Индии. Я думал о будущих съемках в России. Я бы хотел делать европейское кино. Не знаю, считают ли себя русские европейцами. Но для меня Россия — это Европа.

Беседовал
Сергей СОЛОВЬЕВ

P.S.

Улыбчивый полуамериканец-полуфранцуз, снимавшийся исключительно в прогрессивном авторском кино, вдруг попал в секс-символы. В английском рейтинге он на втором месте, в мировой классификации — в двадцатке. Видимо, как раз после этого Жан-Марк всерьез задумался о сексе.

Барр известен по фильмам Ларса фон Триера. Он своего рода триеровский талисман — главная роль в «Европе», эпизодические роли в «Рассекая волны» и «Танцующей в темноте». Однако выпускник философского факультета Сорбонны сам заболел режиссурой. На прошедшей неделе Барр представил в Москве два своих фильма — «Слишком много плоти» и «Любовники». Обе картины входят в задуманную в соавторстве с Паскалем Арнольдом трилогию, посвященную свободе. Третья часть — «Просветление» — подоспеет к Московскому кинофестивалю. ■